

ИЗМЕНА

ТЫ НЕ УДЕРЖИШЬ МЕНЯ В КЛЕТКЕ

Елена Сергеева

**Измена. Ты не
удержишь меня в клетке**

«Автор»

2026

Сергеева Е.

Измена. Ты не удержишь меня в клетке / Е. Сергеева — «Автор»,
2026

Вернувшись домой раньше времени, я была шокирована обрушившимися на меня новостями, среди которых, помимо измены и беременности любовницы мужа, был пункт, что развода не будет, и мы продолжим жить как раньше, дабы не портить политическую карьеру благоверного. А когда я возразила, негодяй просто запер меня. Вот только я не собираюсь быть безмозглой птичкой в клетке. Оскорбленная женщина – это мина замедленного действия, которая готова «рвануть» в самый неожиданный момент! Берегись!

© Сергеева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 глава	5
2 глава	8
3 глава	10
4 глава	12
5 глава	14
6 глава	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Измена. Ты не удержишь меня в клетке

1 глава

– Вау, Зая, какой у тебя дом! Дворец просто! – звучит восхищенно незнакомый голос, и я едва не давлюсь водой, которую в это время с жадностью поглощаю.

Зая?

Это кого к нам принесло?

Делаю шаг в сторону прихожей, чтобы немедленно это выяснить, и замираю от шока, услышав новую прозвучавшую фразу и мягкость тона, которым муж ее произносит:

– Да, я нанимал одного из лучших архитекторов, чтобы дом был таким, как я хочу, и не имел аналога.

Глеб – Зая?!

Я в ауте настолько, что прирастаю к полу и, часто моргая, пытаюсь соединить в пазл несоединимое, и он, естественно, у меня не сходится.

– Раздевайся, детка. Сегодня мы переночуем здесь, – царственно выдает благоверный.

Переночуем? Мы?

Что за сюр?!

Не успеваю осознать первую фразу, как женский голос спрашивает:

– А завтра?

– А завтра я поселю тебя в домике для гостей.

Что? Что вообще происходит?

– Но, Зая...

– Мы все с тобой уже обсуждали. Помнишь? И договорились. Временно.

– Ладно. Я помню.

Шоковая анестезия отпускает, и я делаю шаг в сторону голосов, очень надеясь убедиться, что это всего лишь какая-то слуховая галлюцинация. Вода с психотропными веществами, что ли, у меня была...

Ну не может быть у моего мужа любовницы!

У нас все хорошо.

Да и у него просто времени на нее нет. Он политик и занят едва ли не двадцать четыре на семь.

Обхожу колонну, появляюсь в зоне видимости и... упираюсь глазами в мужа и...

Новая шокирующая информация снова на несколько секунд дезориентирует. Все внутри орет: «Нет!» – и я теперь отказываюсь верить своим глазам. Но сколько бы я ни жмурилась и ни смаргивала картинку, у блондинки, что стоит в прихожей, никуда не пропадает вполне заметно округлившийся живот.

Может быть, она какая-то дальняя родственница?

Племянница...

Слишком молодая она и...

Смотрю на чересчур откровенное короткое платье для ее положения и никак не могу впустить в себя даже мысль о неверности мужа.

– Высовывай ногу, – садясь перед ней на корточки, произносит Глеб.

Дрянь высовывает ногу, бесстыже поднимая ее слишком высоко, и, заигрывающе хихикая, опускает в тапок. Она ведет себя точно не как племянница.

– Ты такой милый.

– И такой смешной, – не выдержав, озвучиваю я.

Негодяй вздрагивает, и от неожиданности на какое-то мгновение теряется и смотрит на меня, как на привидение.

– Айя... Ты?

– Непохожа?

Резко приходит в себя. Поднимается, раздувает щеки и спрашивает:

– Что ты здесь делаешь?! Ты должна была приехать завтра.

Нежданчик.

– Соскучилась, вернулась раньше, – выдаю сухо факты. – А тебе, оказывается, не до меня...

– Тебя вообще не должно было быть дома! – повышая голос, повторяет муж, словно теперь сам не может поверить тому, что видит.

– Это повод приводить шлюху?

Боковым зрением вижу округлившиеся глаза блондинки. Ей не понравилась моя правда в лоб, но мне фиолетово.

– Верочка, погуляй, – тут же произносит Глеб.

– Но я...

Добровольно-принудительно он выставляет бесстыжую за дверь, и я вскидываю голову и на эмоциях выдыхаю:

– Возможно, после четырнадцати лет брака у тебя нет ко мне былой страсти, и любовь поулеглась, но уважение...

– Мне нужен сын, а ты сама отказалась рожать еще.

Смотрю на Глеба огромными глазами и, снова приходя в себя от новой шокирующей детали, возмущаюсь:

– У меня были проблемные вторые роды.

– Я про то же. Ты отказалась, – холодно цедит муж.

– Значит, я еще и виновата в том, что ты пошел налево?!

Меня начинает просто бомбить. Как легко он перекладывает груз ответственности с себя на меня.

Возмутительно! Недостойно! Мерзко!

Глеб продолжает молчать, подтверждая этим, что считает меня виноватой в сложившейся ситуации, и я мгновенно принимаю для себя единственно правильное решение.

– Все ясно. Пойду собирать сумки. Сегодня же уеду, и твоей детке не придется жить в гостевом домике.

– Ты никуда не поедешь! – звучит категорично.

Опешиваю. Новый неожиданный поворот.

– Это почему?!

– Потому что я так сказал.

Муж всегда имел на меня влияние, и я часто подчинялась его авторитету в силу его возраста и компетентности, но только не сейчас. Не в этой ситуации.

– А я теперь не собираюсь тебя слушать. Завтра же подам на развод.

– Ты этого не сделаешь. Я не позволю портить мне политическую карьеру, – грохочет он, сотрясая дом и метая молнию глазами.

Выглядит страшно, но меня уже несет на неуправляемых волнах-эмоциях.

– Ах вот оно что. Я должна быть прикрытием твоим похождениям! – Вскидываю подбородок, бесстрашно смотрю на мужа и ставлю свою точку:

– Так и знай, этого не будет!

– Дура, я получу сына и заберу его, и все будет как раньше.

Я опять в ауте. Муж каждый раз опускает мое отношение к нему все ниже и ниже.

Я никогда не думала, что он может быть таким негодяем.

Интересно, «инкубатор» его сына знает об этом?

И вообще, как он это представлял?

Думал: принесет новорожденного ребенка, и я приму его, не задавая лишних вопросов?!

– Как раньше уже никогда не будет, – чеканю, чтобы до него дошло. – Я сегодня же уеду и после окончания смены в лагере заберу девочек.

– Этого никогда не будет. Я не позволю, чтобы моим дочерям давал подзатыльник чужой мужик, – восклицает он, убивая меня взглядом.

– А я не позволю, чтобы они видели, что у их папы другая женщина. Я не хочу, чтобы ты разрушил правильные представления о семье, – потеряв страх, на адреналине, держащем меня в тонусе, кричу в ответ.

Глеб грубо хватает меня за руку и тянет за собой.

Сопровствляюсь.

– Отпусти!

Не помогает.

– Больно!

Вот только, похоже, ему все равно, что он причиняет мне душевную и физическую боль. Муж продолжает тащить меня за собой, и я только и успеваю, что поднимать ноги и перемещаться по лестнице, чтобы не запутаться в ступеньках и не упасть.

Мы достигаем второго этажа, и Глеб, открыв дверь спальни, с силой заталкивает меня в нее. Лечу, поскольку телу дано ускорение, и ничего не могу сделать, а финальной точкой звучит оглушительный хлопок и поворот ключа, который ни с чем нельзя перепутать.

Он сошел с ума?

Я жена, а не вещь, которую можно просто запереть.

Со мной нельзя так обращаться!

Вот только в противовес здравому смыслу звучит:

– Посиди, одумайся.

2 глава

Оглушенная обстоятельствами, плюхаюсь в кресло, и первые десять минут сижу, как пришибленная, даже не думая, а просто бездумно таращась в пространство.

Потом поднимаюсь и, меря шагами комнату, как загнанный в клетку зверь, начинаю анализировать ситуацию.

Что я имею?

Измену мужа с последствиями, в виде беременной любовницы, отношения с которой Глеб не хочет афишировать и именно поэтому привез девицу сюда.

В логические мысли влезает возмущение: на что Глеб надеялся? Думал, я не замечу поселенную в домике для гостей кукушку?

Как собирался ее представлять?

Неужели вправду считал, что я безропотно без вопросов приму нагулянного ребенка или поверю в его непорочное зачатие?

Судя по тому, что услышала, любовнице была озвучена другая версия, чем мне.

Такой самоуверенный?!

Пытаясь стряхнуть с себя разрушающие эмоции, делаю вводы:

Наш брак разрушен, и я не вижу смысла склеивать то, что разбилось. Пустая трата времени и сил.

Снова отхожу в сторону и задумываюсь про дочек. У Даши начинается подростковый возраст, и ей будет сложно принять перемены в жизни, впрочем, и Маше тоже. Ей всего семь, и папу она любит как какое-то несокрушимое божество.

Будет непросто, но разве у меня есть варианты?

Нет.

Возвращаюсь мыслями к факту моего принудительного заключения.

Что делать с этим?

Ну не будет же Глеб держать меня взаперти все время. Не верю!

Как он сказал? «Посиди, одумайся».

Посижу, попробует опять промыть мозги, и когда это не получится, Глебу придется выпустить меня и смириться с тем, что его план одержал фиаско.

В нашем случае мы можем просто разойтись цивилизованно, без шума и грязи. Я, так и быть, не стану склочной и мстительной и буду держать язык за зубами. Ему это нужно для политической карьеры, мне – ради того, чтобы не пострадала психика дочерей. У нас обоюдные интересы.

Подхожу к окну и наблюдаю, как муж чернее висящей над головой тучи садится на заднее сиденье мерседеса, и водитель, закрыв за ним дверь, скрывается на своем месте.

Интересно, надолго он?

В комнате, конечно, есть встроенный санузел, но я вообще сама только приехала в дом и хотела пообедать. Желудок, тут же подтверждая мои слова, начинает урчать.

Кладу руку, пытаюсь его успокоить, и смотрю, как ворота медленно отъезжают в сторону, и автомобиль также медленно начинает ползти по выложенному тротуарной плиткой двору и исчезает с глаз.

Сообразив, что надо воспользоваться ситуацией и освободить себя самой, подхожу к двери и стучу.

Валентина Петровна, наша помощница по дому, когда я приехала, убирала комнаты на втором этаже и должна меня услышать.

С воодушевлением колочу громче и уже через минуту улавливаю голос через дверь.

– Аяя Александровна, не шумите.

И как это понять?

– Откройте меня, и я не буду.

– Не могу, – доносится из-за дверного полотна. – Глеб Сергеевич запретил вас выпускать из комнаты.

Щеки опаляют ее слова, и я начинаю гореть от обиды и возмущения. Муж прилюдно меня унизил. Показал, что я домашний зверек, которого можно при желании посадить в клетку, чтобы не сбежал.

Вот только понимая, что уговаривать женщину бесполезно, я молча прекращаю наш странный диалог и, стирая эмаль зубов от бессилия, направляюсь к кровати.

У меня нет другого выбора, кроме как ждать.

И пусть это самое нелюбимое занятие, но сейчас придется набраться терпения и убивать время ничегонеделанием, пока муж не соблаговолит вернуться и не состоится второй раунд схватки с благоверным.

Надеюсь, Глеб проветрит мозги и наберется благоразумия, куда бы он там ни поехал.

3 глава

Вздрагиваю от резко открывшейся двери и, приходя в сознание, потихоньку освежаю в памяти события, предшествующие тому моменту, когда я провалилась в сон.

Предательство, беременность любовницы мужа, его беспринципное поведение и нарушение моей свободы...

Может быть, это мне приснилось?

В моей размеренной, вполне счастливой жизни никогда не было ничего подобного.

Приподнимаю голову от подушки и по царапающему взгляду мужа понимаю, что это теперь моя новая действительность.

– Успокоилась?! – не то спрашивает, не то утверждает Глеб.

Молчу. Он задает вопрос так, словно я какая-то ненормальная, у которой был приступ.

Что мне на такое ответить?

Наблюдаю, как он проходит в комнату и останавливается напротив меня.

– Ты ничего не видела! Ничего не знаешь! Мы живем как раньше, – чеканит он.

Смотрю в холодные глаза мужа, пытаюсь найти в них привычное тепло, но...

Глеб хочет меня загипнотизировать?

Нет! Так не пойдет.

Не отворачиваясь, не пряча взгляд, выдаю свою правду:

– Я не страдаю амнезией и жить, как раньше, в свете открывшихся фактов не могу!

– Ты пожалеешь.

От его фразы по коже бегут мурашки, но я продолжаю с вызовом смотреть на мужа. Я не кукла. У меня есть чувства, принципы, достоинство.

– Что ты мне сделаешь? Будешь держать взаперти? Все время? – пытаюсь, чтобы мой голос звучал уверенно и не дрожал от волнения.

– Для начала это хорошая идея. А то возомнила о себе слишком много. Надо сбить твою спесь.

Понимая, что Глеб сейчас опять запрет меня в комнате, резко подрываюсь и несусь к двери, но не успеваю сделать и нескольких шагов в нужную сторону, как он ловит меня и, схватив за плечи, встряхивает, словно желая, чтобы мои мозги сотряслись и перестали работать.

– Айя, я не шучу. Я могу быть очень жестким.

Уже убедилась. Оказывается, я прожила четырнадцать лет с монстром, прячущимся за маску приличного человека.

– Я тоже не шучу! – заявляю в ответ. – Я не намерена быть пленницей!

Муж резко толкает меня назад, я направляюсь в заданную сторону и, не долетая до кровати, падаю на пол, ударяясь головой об изголовье.

От боли и обиды по щекам предательски начинают течь слезы.

Я думала, что точкой невозврата была информация, что узнала о беременности любовницы Глеба, но нет. Точка невозврата сейчас, когда он намеренно причинил мне физическую боль. Любящий человек на это неспособен. Любить негодяя неспособна я.

Стираю слезы со щек.

– И что дальше? В следующий раз ты прямо ударишь меня?

– В следующий раз будешь думать, что говорить и делать, – жестко произносит муж, и я не вижу ни капельки раскаяния в его глазах, не слышу хоть ничтожной жалости в его голосе.

Еще раз резанув по мне взглядом, он направляется к двери, а я в отчаяние воплю.

– Негодяй! Предатель! Изменщик!

Никакой реакции, просто громко захлопнувшееся дверное полотно.

– Я вообще-то голодная!

Поворот ключа в ответ и тишина.

Тру ушибленное место, поднимаюсь с пола и обнимаю себя руками. Лихорадит не столько от холода, сколько от нервного напряжения. Сейчас у меня уже нет сомнений, что на ближайшее время я пленница и благоразумия от мужа ждать не придется.

Начинаю наматывать новые круги от кровати до двери и думать, как мне быть.

Единственное, что приходит в голову – это побег.

Но как его совершить?

Подхожу к окну и смотрю вниз. Это второй этаж, но если учесть высокий цоколь и потолки больше трех метров в гостиной...

Вздыхаю. Это неблагоприятно – прыгнуть и переломаться.

Какие еще есть варианты?

В тот момент, когда дверь открывается и в комнату входит Валентина Петровна, меня осеняет. Идея, конечно, тоже сопровождается жертвами, но... На войне как на войне.

Молча смотря, как помощница по дому ставит поднос с едой на трюмо и, развернувшись, уходит, просчитываю другие пришедшие в голову нюансы. Однозначно понимаю одно: я должна максимально продумать каждый свой шаг, потому что, скорее всего, второго шанса осуществить задуманное у меня не будет.

Женщина уходит и запирает дверь, а я с жадностью набрасываюсь на еду. Мне нужны силы, да и мозг не может функционировать от солнечной энергии. Ему тоже необходимо питаться.

Покончив с не то обедом, не то ужином, я констатирую, что у меня готова пошаговая инструкция на завтра.

Довольная собой, выдыхаю с надеждой и возвращаюсь к другим вопросам, о которых не могу перестать думать.

Зачем Глебу так усложнять себе жизнь?

Неужели развод так отразится на нем, что он пошел на преступление?

Держать человека взаперти помимо его воли уголовно наказуемо.

Зачем я ему нужна?

4 глава

Ночью сплю плохо, мне снятся какие-то кошмары, от которых вздрагиваю, и в темноте пытаюсь отыскать знакомые очертания комнаты и успокоиться.

Это не удивительно – за один день моя жизнь превратилась в кошмар, и мозг транслирует свои переживания во сне.

Утром привожу себя в порядок, собираю документы и личные вещи и, натянув удобную одежду, морально готовлюсь к испытанию, которое должна пройти.

Увещевания мало помогают, сердце стучит как бешеное в клетке ребер. Страшно. Но у меня нет другого выхода. Я не собираюсь оставаться пленницей.

Не в состоянии сидеть на месте, снова начинаю ходить из угла в угол и в один из кругов почета по комнате замечаю в окне силуэт мужа, направляющегося к своему автомобилю. Наблюдаю, как Глеб уезжает на работу, после чего бросаю взгляд на электронные часы на трюмо. Он, как всегда, пунктуален. Отлично. Пока все идет как по маслу.

Где-то минут через двадцать улавливаю шаги на лестнице и понимаю: час икс настал. Первой мыслью, когда продумывала план, было найти орудие преступления и ударить женщину, вставшую на сторону врага, но потом поняла, что не смогу этого сделать. К тому же с домработницей я могу справиться и не применяя кардинальные меры.

Занимаю стратегически важное место и смотрю, как Валентина Петровна входит в комнату.

– Здравствуйте, – произносит она и направляется к трюмо, чтоб оставить там поднос с завтраком.

– Поставьте на тумбу, – не оборачиваясь, команду я.

Мой голос звучит твердо и не вызывает сомнений у женщины, привыкшей выполнять распоряжения.

Смотрю, как она, меняя траекторию, направляется в указанную сторону, а я, пользуясь тем, что помощница по дому не ожидает ничего подобного, несусь к выходу и в одно мгновение меняюсь с ней местами.

Тут же захлопываю дверь и дрожащими от волнения пальцами поворачиваю ключ в замке под аккомпанемент недовольных возгласов. Справившись, бегу по лестнице вниз, ошалев оттого, что я только что совершила.

Адреналин бушует в крови, так что меня потряхивает, но дает силы завершить задуманное, пульс стучит в висках, отсчитывая секунды на языке тела. Я в незнакомом для себя состоянии. Я вообще покладистый человек и в своей жизни мухи не обидела, а здесь такое. Видимо, никто раньше не гладил меня против шерсти.

Быстрым шагом пересекаю зал и направляюсь в холл.

Вчера, размышляя над побегом, я решила, что Глебу невыгодно посвящать в семейные разборки людей на улице, и он не проинформировал на мой счет охранника, поэтому я вполне уверенно выхожу из дома и, подняв руку в качестве приветствия, таким образом здороваюсь с мужчиной, выглянувшим на улицу.

– Здравствуйте, Айя Александровна, – любезно звучит в ответ.

Выдыхаю, плюхаюсь на водительское сиденье своей машины и сразу запускаю мотор. Пока автомобиль греется, смотрю на себя в зеркало заднего вида. Глаза лихорадочно блестят, щеки опалены неестественным румянцем. Я точно выгляжу, как преступница, хотя я не знаю, как они должны выглядеть.

Выкинув все мысли из головы, решительно направляю машину из двора на дорогу. У меня много планов и пора начать их выполнять.

Конечно, до вечера, пока Глеб очухается, я думаю, у меня есть время, но его надо использовать с умом.

Первым делом еду в ближайший центр Госуслуг и подаю заявление на расторжение брака. Подписав все документы, выхожу из здания, окрыленная большим событием, что совершила.

Второе, что делаю дальше – это обналичиваю карты, потому как помимо того, что я боюсь, что они волшебным образом заблокируются, оплачивая ими, я буду выдавать свое местоположение. А я не хочу, чтобы Глеб отслеживал меня.

Дальше ищу квартиру недалеко от школы дочерей и оплачиваю на три месяца вперед, и после этого уже отправляю машину в сторону области к лагерю девочек.

Конечно, обидно забирать их с половины смены. Особенно когда и Даше, и Маше понравилось и место, и ребята, но я должна действовать на опережение и, если не заберу их сама сейчас, то за меня это сделает муж. Уверена, в этом случае он станет манипулировать ими.

Всю дорогу в голову лезут грустные мысли. У нас реально было много хорошего.

Воспоминания счастливой жизни мелькают перед глазами, мешая смотреть на знаки, и я пытаюсь их отставить в сторону, но...

Я выходила замуж не очертя голову, а продуманно. Выбирая для своих детей хорошего отца. Глеб был требователен, серьезен, но добр, ласков, и с ним я чувствовала себя по-настоящему «за мужем».

Как так я просчиталась?

Как не увидела второе дно?

Видимо, я покладисто себя вела, что ему не требовалось показывать свою натуру.

Да, я старалась быть хорошей любящей женой. И поэтому мы даже никогда особо не ссорились. Мне вообще казалось, что наша семья идеальная, и потому я не понимаю, почему мой муж так легко все это променял.

Да, я отказалась рожать снова, потому как сын – это не аргумент в моем положении. Если бы у нас не было общих детей и муж хотел ребенка, я вошла бы в его положение и рискнула родить, а так, когда у нас с ним есть две чудесные дочки, и не факт, что третий ребенок родится мужского пола...

Въезжаю в поселок, где расположен лагерь, и, припарковав автомобиль, набираю старшую дочь.

– Даша, привет. Я возле выхода. Я вас забираю. Выходите с вещами.

Несколько секунд тишины, после чего звучит обиженное:

– Почему? Еще две недели смены.

Чувствую себя виноватой и потому бормочу:

– Я позже тебе все объясню.

– Но мама!

– Даш, пожалуйста.

Сброшенный вызов как жест недовольства, но я даже не сержусь. Я срываю ее раньше времени практически без объяснений. Она же не знает, что в моей жизни произошла глобальная катастрофа.

Некоторое время жду, а потом, устав сидеть, выхожу на улицу и перевожу взгляд на дорожку, устремляющуюся от ворот вглубь лагеря.

Никого.

Почему так долго?

Что случилось?

5 глава

Спустя несколько минут снова набираю дочь:

– Даша, в чем дело?

– Папа сказал никуда не уезжать, – звучит с вызовом.

Хочу сделать вдох и не могу. Слова дочери словно удар в солнечное сплетение.

– Зачем ты ему звонила? – произношу, когда способность говорить возвращается.

– Я не хочу уезжать из лагеря. В городе все разъехались, и мне придется торчать в четырех стенах в доме!

Пусть и поздно, но понимаю свою ошибку. Я ничего не объяснила ей об изменившейся ситуации. Дочь восприняла мое требование как каприз, а на самом деле...

– Даша, я... Мы...

Боже, как сложно сказать о случившемся собственному ребенку.

– Мама, меня зовут. Мне надо уйти, – сливается она, и я, понимая, что прямо сейчас ничего от нее не добьюсь, иду у нее на поводу и не удерживаю новой фразой.

Сказать ребенку по телефону в двух словах об измене отца у меня все равно не получится. Придется на ходу модернизировать план.

Направляюсь к будке охраны и произношу:

– Мне нужно попасть на территорию. Поговорить с дочерью.

– Приезжайте в родительский день, – бухтит мужик, недовольный, что я его потревожила. Меняю цель:

– Тогда я хочу поговорить с директором лагеря.

Неприятный тип звонит кому-то по телефону, и хвала небесам – меня пропускают.

Иду по главной дороге, прямо на ходу выискивая в переписке с Дашей название ее отряда.

А потом, выяснив, спрашиваю дорогу к нему у попадающихся навстречу людей.

Нахожу отряд «Белки» и захожу в домик.

Коридор, двери...

Куда дальше?

Замечаю, что на стене возле каждой комнаты написаны имена хозяев, и, читая таблички, отыскиваю искомое: Галыгина Даша.

Стучу и под звук ее «войдите» открываю дверь. Сразу натыкаюсь на удивленные глаза дочери.

– Ты чего здесь делаешь?

– Нам нужно поговорить, – произношу железобетонно.

– Мам...

Пытаюсь разбавить напряженную ситуацию и задаю отвлеченный вопрос:

– Почему «Белки»?

– А у нас девиз таков - Не пускать в дупло врагов! – произносит она на автомате.

– Понятно, – выдыхаю и сажусь на свободный стул напротив дочери.

– Мама, я тебе уже все сказала. Мне здесь нравится, – произносит упрямо и смотрит на меня бараньим взглядом.

– Даш, мы с папой расстаемся, – говорю правду прямо ей в лицо.

Большие глаза дочери становятся огромными.

– Как расстаетесь?

– Разведемся, – выдыхаю страшное слово.

– Почему?

Не могу ей сказать правду. Вот не хочу ранить.

– Такое бывает...

Неожиданно в комнату врывается женщина и, прерывая наш разговор, начинает кричать:
– Что вы здесь делаете?! Вы не имеете права здесь находиться!

Поднимаюсь со стула, разворачиваюсь и, упираясь взглядом в неадекватную особу, отвечаю:

– Это почему? Даша моя дочь! Я вообще собираюсь ее забрать.

– Не кричите!

– Это я кричу? – возмущаюсь и начинаю говорить громче.

– Уходите немедленно, иначе я позову охрану.

Все накопившиеся эмоции вырываются наружу:

– Что вы себе позволяете?! У вас лагерь, а не тюрьма.

Она берет меня под локоть и выталкивает из комнаты. Вырываюсь и, уже не сдерживая эмоции, по-настоящему кричу:

– Что за отношение! Как вы себе ведете!

– Это вы посмотрите, что устроили. Сейчас тихий час, вообще-то.

В коридор и правда выползли все кому не лень – и дети, и вожатые, и глазают на нас, но это не я начала.

– Отдайте мне моих детей, и я уйду.

– Их отец против, чтобы они уезжали! – чеканит скандалистка.

Вот оно что. Теперь становится понятнее.

– Даша...

В глазах дочери обида.

Она тоже считает, что это устроила я?

Понятно. Я ничего не добилась.

Разворачиваюсь и иду к выходу. Не силком же мне ее тащить. А забирать только Машу я не буду. Наши дети, куда бы ни поехали, всегда вместе.

Я не хотела повторять свой горький опыт, когда мы с сестрой только фактически росли рядом, а на самом деле уезжали в разные места отдельно друг от друга, потому и выросли чужими людьми.

Выхожу за пределы лагеря, сажусь обратно в машину и, запустив мотор, думаю, что дальше.

Вариантов немного, и я отправляюсь в свое новое пристанище – в снятую квартиру, обнадеживая себя, что оставшиеся дни быстро пролетят, смена закончится, а я тем временем еще поговорю с дочкой и нормально объясню ситуацию.

Оставлять машину во дворе на улице непривычно, но теперь мне придется заново привыкать к другой, к простой жизни. Меня это не расстраивает и не пугает, просто я чувствую контраст и констатирую его.

Квартира встречает тишиной и пустотой... А еще эти чужие стены... Ежусь: как-то совсем тоскливо.

Взбадриваю себя. Ничего. Завтра же поеду по магазинам и куплю своих вещей, что сделают квартиру немного моей, а еще надо попробовать устроиться на работу. Деньги у меня есть, но так хоть время быстрее пойдет.

Мои мысли прерывает звонок в дверь.

Вздрагиваю. Замираю.

Кто это?

Я никого не жду, никого здесь не знаю.

6 глава

С замершим сердцем подхожу к двери и смотрю в глазок. Глеб.

Хочется рвануть обратно и не разговаривать с ним, но здравый смысл оставляет меня на месте.

Что мне это даст?

Только отсрочку важного разговора. Просто вычеркнуть мужа из жизни и никогда больше не общаться все равно не получится. А если Глеб меня уже нашел, то пусть не сегодня, то завтра я столкнусь с ним и буду вынуждена выяснять отношения.

К тому же выяснять действительно есть что. У нас помимо общего нажитого имущества два несовершеннолетних ребенка.

Набираю в легкие воздуха и, вытащив из сумочки газовый баллончик для безопасности, поворачиваю замок и распахиваю дверное полотно.

Первые несколько секунд тараним друг друга взглядами, после чего он приказывает:

– Собирайся. У тебя пять минут.

Вскидываю подбородок и чеканю:

– Я никуда с тобой не поеду.

– Давай обойдемся без скандалов и истерик, – бросает муж холодно.

– Давай. Уходи, если больше нечего сказать.

– Айя! – звучит угрожающе, и он делает еще один шаг ко мне.

Выставляю руку с баллончиком вперед, демонстрируя, что насильственные методы сейчас не прокатят.

– Если ты не понял с первого раза, повторю, – чеканю я. – Изменив мне, ты меня предал. И я не стану жить с предателем, а тем более слушаться.

– Ты будешь жить по моим правилам, а если исчезнешь, то только подписав отказ от детей.

Он говорит бред!

– Я мать, они должны остаться со мной, – возмущаюсь несправедливости.

– Почему? Я отец. И имею не меньше прав на них, чем ты. К тому же они могут решить сами, с кем хотят остаться.

Он улыбается так, что по телу разбегаются мурашки.

– Ты уверена, что они выберут тебя?!

До этого момента я реально была уверена, но сейчас...

Не показываю своего сомнения и киваю.

Усмехается:

– Святая наивность.

Снова убиваем друг друга взглядами, после чего Глеб произносит:

– Я дам тебе сутки одуматься. Завтра приходи в мой офис к полудню и поставим точки над й.

– Я уже все сказала, – отнекиваюсь я.

Он опять так убийственно улыбается:

– Утро вечера мудренее.

Проглатываю слова и смотрю, как Глеб разворачивается и начинает спускаться по ступенькам.

Обнимаю себя руками. Почему-то мне становится жутко страшно. Вот вроде бы он уходит и с каждым шагом увеличивает дистанцию между нами, а я дрожу, как веточка на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.